

ЕГОР ИВАНОВ

БЕЗЫМЯННЫЙ

рассказы

Егор Иванов

Безымянный. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24153532

ISBN 9785448520723

Аннотация

Здесь главное – это не перипетии главных героев, а наполнение. Художественность в чистом виде, игнорирующая всякое содержание. Вернее, в таких текстах, как в музыке, содержание может появиться неожиданно, и оно непременно будет у каждого внимающего свое.

Содержание

○○○○Надя	5
Мёртвые приходят с ветром	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Безымянный Рассказы

Егор Иванов

© Егор Иванов, 2017

ISBN 978-5-4485-2072-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

○○○○○Надя

*Я отдала бы всё за то, чтоб только быть
Хоть чьей-нибудь на этом дне Вселенной,
Чтобы, в конце концов, торжественно остыть
В заботливых руках любви обыкновенной¹*

– В камеру не смотреть?

– Да-да, на меня.

– Хорошо.

– И так, расскажите, пожалуйста, о тех результатах, которых удалось достичь за эти пять лет.

– Никаких.

– То есть...

– Мы не продвинулись ни на шаг в изучении этого феномена. Он не даёт новых загадок, но и на прежние вопросы отвечать не спешит.

– Оттуда ещё никто не вернулся?

– Нет. Эта чёрная дыра только забирает. Все, кто провалился в неё – исчезли.

– И подкопы не дают результатов?

– Нет. Чернота – плоская, как будто на лист бумаги разлили чернила, а они растеклись идеальным кругом и не промочили бумагу насквозь.

---

¹ Андрей Лысиков (Дельфин) – Надя.

– Была совершенно сумасшедшая идея – сбросить на черноту атомную бомбу.

– Эта идея и сейчас есть. И поверьте, если что-то произойдёт, то её обязательно запустят.

– А что-то может произойти?

– Странный вопрос, учитывая, что пять лет назад посредине улицы образовалось это нечто.

– Год назад эту темноту сделали общественным достоянием. Памятником, если хотите...

– Главное – ограждение повыше.

* * *

На востоке появились первые лучи солнца, пробивающиеся сквозь густой мрак туч и стремящиеся одарить землю своим теплом, как близкие люди развевают тёмные думы и волнения. Но он где-то в тысяче километров от неё и сейчас готовится оторваться от земли и долгие и холодные полгода смотреть на мир с высокока.

Рассвело. Часы пропищали семь.

– Алло?

– Да-да. Говори!

– Мы отправляемся на станцию. Взлёт через пару часов.

– Ты поел?

– Думаю, даже больше, чем нужно.

– Сколько ты можешь говорить...

– ...не знаю...

– ...я хочу долго!

– Конечно! – она услышала, как он улыбается. – У меня ничего нового. Вчера прошли последнюю подготовку. Ночь спал на удивление хорошо.

– Я снилась?

– Да, думаю, да. Ты же знаешь, я не помню снов. Если только чужие.

– Я вчера приготовила салат, значит. Нарезала огурчики, всё как надо. Потом стала резать колбасу и позвонила Юла. И знаешь что?

– Кот стащил колбасу?

– Нет, Юла беременна!

– А как же салат?

– Какой салат? А, не знаю. Сестра доделала. Ты меня слушаешь вообще? Полгода, между прочим, не услышишь.

– Ещё как услышу. Там специальные аппараты стоят. Они прослушивают таких, как ты...

– Это каких?

– Звёздочек на Земле.

– Ха! Это мило, но прошлый век!

– Быть современным – банально.

– Хочу фото из космоса.

– Своё?

– Да нет там никаких таких систем! Нет же?

– Не знаю, милая. Не знаю, что там есть, кроме пустоты.

- Здесь её тоже полно, даже больше, чем там.
- Нам пора.
- Но это же недолго!
- Надя?
- М?
- Я тебя люблю.

Небо было так близко, словно, вытянув руку, можно было задеть его, и оно лопнет как мыльный пузырь, а звёзды посыплются огромными каплями. Любовь к небу научила его терпеть безответные чувства, которые наполняли его душу каждую ночь. Но с момента их знакомства прошло уже немало лет. И теперь он не боялся протягивать руки к нему – всё равно не достать. А между ними ещё было стекло окна. Непреодолимая невидимая граница, которая нарушала единство. Он молча озирался по комнате в поисках нового вдохновения или мысли, что могла бы увести его по другой тропе. «Слабость» или «сладость»? Поменяй только букву. Чтобы не упустить крошечную, как птичий паёк, идею, он стремглав летел к столу и записывал её карандашом на бумаге – его можно стереть и не следа не оставить за собой.

Книги. Он не просто любил читать их. С неподдельной нежностью он листал их тонкие и мягкие, словно кожа девушки, странички. Когда-нибудь его мысли также напечатают на сереньких листах двенадцатым кеглем. Но слишком много времени прошло с момента их знакомства. И, быть

может, он стал забывать. А там, где раньше было полно – теперь пусто и зияет чёрная дыра, которая впитывает в себя все чувства... Скорее, она, как бездонная пропасть, забирает всё, и ничем её не заполнить. А ведь ему так хочется, чтобы его талант оценили, чтобы он, придя домой, распаковал первый экземпляр книги, вдохнул запах типографского клея, прохрустел страничками, спрессованными огромным станком, а затем, наслаждаясь совершенством чёрно-белых страниц, поставил своё творение на полку. Но нет. Стены остаются молчаливыми, даже когда в них летят вазы или тарелки, они никогда не говорили и не проронят слова ни завтра, ни через месяц, ни через тысячу лет.

За окнами пугали ночь огни фар автомобилей, водителем которых плевать на лёгкость его слога, выражение мысли, её полёт, метафоричность текста, филигранную очередность букв, сложенных в слова, как дом – кирпичик к кирпичику, также плевать, как мужчине, который, вырвавшись от исполнения мужских обязанностей затянуть сигарету на балкон, сплюнул вниз. Смачный плевок громко разбился об асфальт, потревожив ночную тишину. Должно быть, с таким же звуком расплющился бы о землю и писатель. Но смелости хватает лишь на то, чтобы презирать других, убивая чужой энтузиазм едкими фразами из историй именитых авторов.

Холодильник всегда пустовал. Писатель утолял творческий голод печёными булочками, недоваренными супами и вонючими консервами. После он садился и, пугаясь бело-

го листа, застывал в позе нескончаемых мук, когда должны были рождаться чудеса, славящие его имя, но один за другим выходили демоны, заставляющие его пускаться наутёк от муз, которые и так не снисходили на него.

Тогда он подходил к зеркалу, пытался найти эту дыру, которая чернела в его груди. Он чувствовал её, закидывал в неё еду, а затем и буквы романов, людей, вырезанных из памяти, но ей было всё равно. «Давай же», – говорил он. Но писанные им слова казались уже бывальными в литературных боях, причём закончили они сражения отнюдь не с победой. Свалив все учебники и словари по литературе в кучу, добавив к ним сборники цитат и афоризмов, достав с дальних полок энциклопедии мира, он решил искать вдохновение тщательнее, усерднее, лучше, как собака, которая ищет под снежными завалами людей, пусть даже найдётся мёртвый, главное – не терять надежду, что следующий будет живым.

Писатель мечтал о красивых завтраках, таких, чтобы белая скатерть оголяла старинное дерево круглого стола, словно великолепное платье без лишнего даёт взглянуть на тело девушки. Бронзовая турка с только что сваренным кофе была бы окружена фарфоровой посудой – чашкой и тарелочкой, розеткой с сахаром и кувшином с отборным сливками. Два свежих круассана соседствовали бы с тарелочкой мюсли, сушёными и свежими фруктами. Открытая дверь балкона пускала бы в уютную столовую звуки просыпающего-

ся города: стук каблучков по асфальту, урчание двигателей редко проплывающих автомобилей и звонкие крики голодных птичек. А ещё лёгкий ветерок, колыхая тонкую штору, приносил бы прохладный аромат только сбежавшей прочь ночи. Но по утрам он шёл мимо огороженной от спешных до решений смутянов поколения социальных сетей чёрной дыры к жёлтому магазину, где покупал то да сё, чтобы попить да поесть. По пути он иногда заглядывал к охраннику нового памятника человечества, который без толку терзали учёные и военные, журналисты и проповедники. Каждый ладил на свой такт: одни восхищались великой силой природы, другие подозрительно косились на иностранцев – не иначе как новое оружие, третьи в поисках сенсации допрашивали всех подряд, последние молили Бога простить грехи.

– Как дела? – кричал иногда писатель охраннику.

Тот высовывался из зелёной будки, возвышавшейся над всеми ограждениями и похожей на голубятню, и часто без улыбки рассказывал, как кто-то ночью пытался пробраться сквозь бетонные заграждения и сигануть в пустоту с криками – «теперь-то веришь?!».

– Подстрелил его, – устало сказал стражник чёрной дыры, – приезжали уже полицейские, скоро, наверно, уже и реагировать не станут.

– Почему?

– Так работы им прибавляется, каждый день кто-нибудь да захочет скинуться...

– ...скинуться...

– Ага, тут на днях актёр какой-то пришёл, говорит, не могу больше так, устал.

– Актёр? Как звать-то?

– Да, может, и не актёр, дурной какой-то. Ему проповедники в след – покаяйся, покаяйся, много глупостей наделал. А он якобы за экскурсию заплатил и суёт мне билетик. Не пустить нельзя, а следить за одним – другим шанс даёшь.

– Ну и что он? Прыгнул?

– Записку на «берегу» оставил. Написал: «Не хочу быть забытым инвентарём, который хранят за кулисами. Выход найти не могу». Ну, или как-то так. Я-то уж не совсем zapomнил.

– Когда было то? Что-то я совсем упустил...

– Да кто ж его помнит, когда. У меня все дни воедино слились.

– А про актёра интересно, быть может, напишу что.

Как же это могло быть? Писатель подошёл к окну, из которого была видна чёрная пустота на дороге.

Старый инвентарь хранили в огромных коробках, составленных вдоль дальней стены. Квадратные и прямоугольные в основном без рисунка картонные домики для вещей из прошлого, должно быть, скрывали из виду поеденные временем кирпичи – со времён продажи первого городского театра иностранным инвесторам никто их не трогал. Спи-

хивать за старые кулисы весь хлам вошло в привычку. Перед коробками рядами сложили какие-то брёвна, использовавшиеся в одной из постановок модного когда-то режиссера, теперь считающегося экспертом – он, поджав и без того тонкие губы, всегда с прищуром смотрел новые постановки с третьего ряда и медленно хлопал в финале последнего действия. Длинные круглые берёзы и сосны, пропитанные лаком и воспоминаниями об интересе публики к классике, подпёрли большущими трибунами, еле уместившимися в небольшом закулисном холле. Сюда новоиспечённые кумиры публики водили молоденьких поклонниц, быстренько делали их женщинами и забывали навсегда, откупаясь от будущего, которое могло прийти на своих двоих в поиске папаши, парой тысяч. На переломанные сиденья свалили всякую мелочь. Парики и костюмы, разбитые ширмы и лопнувшие музыкальные колонки, потрескавшиеся чемоданы для хранения микрофонов и листы бумаги – мёртвые сценарии, без почести похороненные. Пару больших столов с зеркалами, видевшими сотни гримас артистов, протоптавших пол от гримёрной до сцены, сюда притащили грузчики, не пожелавшие работать из-за запрета курить в помещении. Лампочки вокруг зеркал перегорели, некоторые рассыпались мелкими неприятностями на дощатый пол, скрипевший от нежелания больше жить. Грязь сантиметрами накатывала на качественное итальянское дерево, которое вместе с прошлым этого здания похоронили за кулисами. Им всё равно, что

скрывать. Огромное полотнище красного цвета – от потолка до самого низа. Он когда-то может оказаться по ту сторону, сторону забвения, откуда нет выхода.

Писатель вздохнул и закрыл документ, словно потеряв последнюю надежду написать что-то стоящее. Натянул серые штаны и такого же цвета футболку, кофту потеплее, намотал вокруг шеи шарф и серым пятном поплыл по горящим осенним дорогам.

Длинная и узкая улица заканчивалась тупиком, в котором стоял высоченный кирпичный дом с большущими прямоугольными окнами в три створки. Во дворе элитной высотки было всегда многолюдно – в одном из трёх подъездов жил известный маг, который выбрался из чёрной дыры. В тот день, когда он предстал перед публикой живым и невредимым, газеты запестрели заголовками: «Свершилось чудо», телеканалы разрывали его на интервью, а очередь к целителю заметно увеличилась. Писатель иногда подходил к воротам дворика, протискивал лицо между железными прутьями и будто бы вдыхал запах популярности, который уже давно из него испустился. Говорят, этот «волшебник» решил вывести кого-то на чистую воду, помочь с расследованием, подарить одной семье, скорее всего, ложную надежду на спасение. «Это же шоу», – ухмыльнулся один из скептиков в новостной программе.

Тяжёлые засовы. К их громкому скрежету за пять лет он

так и не привык. Звяк! Они открывались дважды в день. И надежда на свободу ложилась на маленькую скамеечку, просовывала голову между дощечками и звяк! Засовы отрубали ей голову. Но завтра, словно она змий, голова вырастала снова. Каждый день – это лишь прогулка. Свобода до флажков, за которую заступить нельзя, ведь тогда начнётся охота на дичь. Звяк! И сомкнётся капкан на лапе зверя, который бежал мимо. Быть может, он даже и не грыз глотки двуногим, не воровал их кудрявых овец или тупых куриц. Но капкану всё равно. Он как садовник отрубает всё ненужное, особенно всякую надежду.

– Я писатель. Хочу сделать вас героем моей книги.

На свидание с заключённым писателя пустили нехотя.

Парнишка молча писал записки на жёлтых разлинованных листах карандашом, доставшиеся ему от предыдущего владельца кровати. Смысл разговоров с сокамерником сводился к тому, что соседу сидеть дольше и его бы пожалеть. Но мамкиных титек здесь ни у кого не было.

– Ты их все отправляешь?

Этот вопрос задавался раз в неделю. Он – контрольный, чтобы убедиться, не в более ли выгодных условиях его сокамерник. Письма охранники брали охотно, но, конечно, просить их о передачках каждый день – играть с огнём на складе с динамитом.

– Хотя, я думаю не сидеть мне здесь ещё два.

– Сбежишь?

– Выпустят.

– По таким делам, как у тебя...

Он никогда не просил ответных писем. Боялся, что их нет. Свои дневники он превращал в бумажные цветы и отсылал матери и сестре. Он просил их не приходить, только отец мог видеть его исхудавшее тело и пустые глаза. Раз от раза отец и сам становился хуже. Морщинки совсем изрезали лицо, а волосы поседели. «У тебя тоже слегка поседели», – сказал он. «Посидели? Игра слов», – написал после той встречи на листе сын. Спустя год отец уже перестал рыдать. Его глаза смирились с тем, что он никак не может помочь дитю, угодившему в капкан.

– Книгу обо мне? Я прямо-таки нарасхват. Кто купил меня сейчас?

– Думаю, дело даже не в тебе.

– В ком же?

– Во мне. Мы с тобой чем-то похожи. Ты несправедливо угодил за решётку, а я живу в капкане из четырёх стен, испытываемый желанием написать что-то стоящее.

– Отличное сравнение...

– Знаю, тебе не понять. Но, поверь, иногда бессмысленная свобода хуже заключения.

– Не в моём случае.

– Поэтому-то я и уверен, что мы с тобой сможем вдохновить друг друга. Ты меня – на роман, длинную и интересную

историю о том, как сказать вызову судьбе: «я справлюсь», а я тебя смогу убедить в том, что мир не такой гадкий, каким может показаться, и что ещё есть, зачем жить...

– Думаешь, у меня нет желания жить и я не знаю, зачем мне нужно терпеть? Три года я уже здесь, как говорится, чалюсь. И каждый день я пишу письма, но не жду ответа, потому что я боюсь потерять надежду, что там, за этими холодными стенами не осталось никакого, кому я нужен.

Охранник ту ночь провоевал с новыми желающими отправиться в пустоту. То с одной стороны, то с другой они перелезали через полутораметровый забор и начинали свой обряд: кто-то прыгал сразу, кто-то читал какие-то молитвы, звонил или пел песни, кто-то сначала гладил ровную поверхность дыры, вглядываясь в пустоту, такую же, как у некоторых людей в глазах или сердцах. Под утро охранник спал самым сладким сном – безопасность он оставлял на совесть учёных, копающихся вокруг. Они решили спустить туда очередной трос и вытянуть кого-то или что-то, но и в этот раз тьма поглотила толстый стальной трос, утянув за собой молодого аспиранта, зазевавшегося на краю берега.

– Надеюсь, когда-нибудь это всё закончится, – уныло сказал охранник за обедом.

За его круглый стол традиционно присаживался главный инженер исследования пустоты, помощник руководителя учёной группы и программист. Каждый приносил раз-

ные вкусы, которые с вечера им приготовили милые жёны. Все с упоением и большим аппетитом поглощали блюда, эмоционально обсуждая события нынешнего дня.

– К нам же приезжает столичная команда, в кубке будут против наших играть, с сыном пойду, он очень ждёт.

– Надеется, что зацепимся?

– Надежда умирает последней, – ухмыльнулся инженер и проглотил кусок ароматного хлеба.

– Может, все пойдем? Нечасто к нам чемпионы приезжают.

– А дыру кого ты сторожить оставишь?

– Да найдём социопата какого-нибудь, которому на спорт плевать.

– Этот твой социопат первым делом в дыру-то и нырнёт.

– Да ладно тебе, – улыбнулся программист, – там весь город собирается. Даже акцию какую-то организовали, инвалидов туда потащат.

– Зачем?

– Говорят, полезно, когда те, кто ходить не может, смотрит, как миллионеры по полю бегают.

– Злой ты, как тебя жена терпит?

– Не жена она ещё мне, только-только заявление подали.

– И как?

– Платье выбирает целыми днями. Прогонит меня из-за компьютера, мне же, мол, нельзя видеть. Это ладно, ещё подружек полный дом назовёт, сидят, визжат...

Писатель частенько видел их обеды из окна. В это время обычно у него по расписанию значился завтрак. Если, конечно, он о нём позаботился. А затем – очередные муки по написанию романа, идею которого он так и не выносил.

Он уселся в кресло, вглядываясь в монотонно серую стену перед глазами. Её рябая поверхность была в полтора метрах от его носа, как когда-то тёмная гладь пустоты. Это была первая и последняя их встреча, встреча, которая принесла ему вдохновение. С тех пор он каждый день норовил заглянуть в чёрную дыру, но она была уже не столь эффектна, скорее наоборот, её хотелось заткнуть. Мучительно-томноплыли дни, таял гонорар от первого и последнего пока что романа. Он уже было открывал смотровую площадку – из одной из комнат открывался неплохой вид на дыру, но вскоре понял, что не может никого подпускать так близко, открывать дверь перед чужаками, расстилаться перед их шагами. Подходя к картине с кораблём, он пытался почуять запах речной воды, услышать гул двигателя судна, разглядеть в голубом небе крылья чаек, секущих воздушные потоки.

«Ах, какая прелесть», – слышал он вдали возгласы его читателей, которые день ото дня теряли надежду прочитать что-то стоящее.

* * *

Огромное чёрное пятно на синем шаре Земли станови-

лось всё больше и больше. Он быстро натягивал скафандр, быть может, даже слишком быстро – в голове будто разросся целый лес, огромные деревья которого не просто шумели на ветру, но ещё и сдавались под натиском армии дятлов – тук-тук-тук. Пока он готовился выйти в открытый космос, чёрная дыра поглотила всю Землю, лишь с краёв ещё блестяли синие полосы океана. «Что ты делаешь?» – прозвучал в наушнике голос командира экипажа. «Я иду в пустоту», – сказал он и стал двигаться к шлюзу вылета.

Тьма уже полностью сожрала планету.

– Нет никакой надежды, что там остался кто-то живой!

Люк шлюза открылся, и он устремился в пустоту, оттолкнувшись от борта станции.

– Никакой надежды, – вновь прозвучал голос в наушниках.

– Мне не нужна надежда, пока у меня есть Надя... – отозвался он и исчез в пустоте.

Мёртвые приходят с ветром

Чужестранцы всегда верили, что у этих мест слишком много секретов. Их компьютеризированные мозги, запечатанные в волосатые головы, покрытые шалью или шляпой, бейсболкой или панамой, никак не могли настроиться на эти волны бескорыстия и простоты. Они как старые полудохлые приёмники на даче, ловили лишь одну «станцию»: погода, экономика, политика, погода, реклама, экономика, политика, реклама, реклама, реклама...

Здесь их слабенькие антеннки просто не могли нащупать весь кружевной диапазон. Их батареи лопались от перегрева, системы и настройки сбивались, как вражеские самолеты, их мир брали за ноги, переворачивали и трясли вверх тормашками, выковыривая из самых «труднодоступных» мест всю их вчерашнюю гадость. Былые привычки бренчали как ведро с гвоздями, россыпью на ссохшуюся землю вываливалась их старая жизнь по 1 и 2, и их будни по 10 и 50².

– Я не знаю, что может связывать этих людей, просто так получилось. Они поехали туда, кто-то купил билет, а кто-то получил его... получил по почте. Знаете? Такая рассылка теперь работает, очень удобно... я тоже ей пользовался, со-

---

² Имеется в виду Euro 1 и 2, cent 10 и 50.

всем недавно, да – очень удобно, правда... А так, не знаю. Они же разные – совершенно, друг на друга не похожие, есть немного сходства, но чтобы увидеть их второй раз вместе – боже упаси, я не представил бы такого, нет-нет, честно.

– Кроме 033, вы знали кого-нибудь лично?

– М-можно мне воды, а то что-то тут с-совсем жарко, да и нервничаю я. Заметно, да?

– Теперь отвечайте на заданный вопрос.

– Так это, – тяжело глотнув, – не знаю я никого. 033 только по работе и знал, порой обедали вместе, 1458 знал его, рассказывал, что обычный работник, ой, не-е-ет – обычный начальник, он же был начальником, командовал нами, бегал тут, там... курил много. От него всегда пахло какой-то смесью сигарет и противно-дорогих духов, они порой даже ещё в продажу не поступали, как он их тут же покупал.

– Это всё?

– Должно быть, я ещё что-то забыл, я в-ведь впервые так вот, сижу и д-даю показания, а можно ещё в-воды? Снова что-то п-пересохло...

– Может быть, какие-нибудь приметы...

– Курил, он много курил и носил шляпу, такую чёрную...

813 и 1886 уже познакомились. Вскоре к ним должны были присоединиться и остальные.

– «Экскурсия по самым загадочным местам, там вы ещё никогда не были и вряд ли побываете дважды!» – очень

странная вывеска, вам так не кажется?

– Это лишь реклама, – отозвался из бензинопожигающего внедорожника 1886, – вы же тоже рекламщик?

– Нет, я механик и ещё немного электрик, а вы?

– Фермер, пытаюсь развить своё хозяйство...

– И как?

– Жадно, слишком всё вокруг жадно.

– А почему вы решили, что я рекламщик?

– Водитель говорил, что будет тут один такой.

– Вы не любите...

– ...а вы? – ухмыльнулся 1886.

– А кто будет экскурсоводом?

– Кто-то из местных?

– Не думаю, что кто-нибудь здесь умеет говорить, – усмехнулся подошедший к 813 со спины мужчина и, прикрывая рот рукой, добавил, – они здесь все как макаки...

– Вас, собственно...

– 1624! А вас, друзья?

– 813, – помахал рукой забрасывающий небольшой рюкзак в багажник юноша, – а это 1886.

– Надеюсь, обойдётся без происшествий, – из-за угла гаража вывернула темноволосая дамочка, в синем, весьма коротком синем сарафанчике.

– Да-а-а-а, – протянула её соседка, покрупнее, – не хотелось бы в такую жару здесь «закочеврижиться».

– Что, простите?

– М-м, милые дамы, прошу в наш лимузин, – открыв дверь и жестом приглашая спутниц на заднее сидение, пробасил 1624.

– Мерси, – сказала дамочка в синем сарафане, – 020!

– Очень приятно, 1624...

– Весьма не разумно одевать столь короткий сарафан, – пробубнил 1886, – тем более в компании незнакомых мужчин.

– Это пока, – похлопал по плечу 1624, – сейчас мы отлично организуем пикник, прямо посреди этой чертовой Сахары...

– Это не Сахара, – усмехнулся 813, – это новые старые каньоны.

– *Мусье*, как это новые старые каньоны?! – хихикнула 020.

– Это как новое старое платье... – пошутил 1624.

– Оу, вы та-а-акой обояшка, – съехидничал 813.

– Чего же мы ждём? – 1886 высунулся из окна.

– Мне кажется, нам говорили, что нас будет шесть.

– Да, ещё водитель, ну, наверно, ещё экскурсовод.

– Итого: восемь!

– Вы очень сильны в математике, – улыбнулся 1624 и послал воздушный поцелуй 020.

033 шёл очень неспешно, он видел в столовой и водителя, и экскурсовода, и помощника: «Такой сытный обед, в эдакую жару?!».

– Ребята смотрите, кто-то идёт! – запрыгала на крыше

1147, забравшись туда через люк, она сразу стала загорать.

– Вы экскурсовод?

– Во-первых, добрый день, во-вторых: нет, все наши поводыри ещё обедают, а моё имя 033.

– Не знаете ли вы, когда они планируют отправляться?

– Да! А то мы скоро сваримся в этой консервной банке...

– Думаю очень скоро, – ответил тучный 033, – а вам, дорогая моя, я бы посоветовал вернуться с крыши на землю, думаю, водителю не очень понравятся ваши обезьяньи повадки.

– Ой, а что это вы грубите? – досадно спросила 020.

– Хотите, я ему врежу? – вызвался 1624.

– Успокойтесь, мне совершенно не сложно спуститься с крыши, – сказала 1147, – совершенно.

– Вы напоминаете мне мою мать, – 1147 с интересом уставилась на 033, – просто напоминаете.

– У вас отличный смокинг, – подмигнула 020.

– В такую жару – самое оно, – усмехнулся 1886.

– ...и вам очень идет эта шляпа!

1147 спустилась вниз, расправляя своё дутое белое платье и теребя длинную, ниже спины, косу.

– Значит, ваше имя: 4528—00?

– Да.

– В каких отношениях вы были с 020?

– Просто подружки, пару раз по магазинчикам пробежали

и всё!

– Хм. Давно знали её?

– Хорошая девчонка была, знаете. Вот я её знала не больше двух недель, а как будто я с ней целый год знакома.

– Почему именно год?

– А что, я должна сказать *сто лет*? Мне ещё даже и двадцати пяти нету-у-у...

– Очень логично.

Внедорожник *в действии* больше был похож на огромный трактор, часто фыркал. Как заядлый курильщик и пьяница: дымит и пожирает топливо.

033 и 1886 устроились на переднем сиденье, 1624 примостился между 020 и 1147 на заднем диване, на креслах напротив – спиной вперёд – ехали 813 и экскурсовод.

– К сожалению, помощник не смог поехать сегодня, что-то съел не то, сейчас сидит... сами знаете где.

– Простите, а как нам к вам обращаться? Господин Экскурсовод?

– Примус.

Пассажиры удивлённо переглянулись.

– Примус? Это имя такое?

– Да, все удивляются, как так...

– Забавное имя, – хихикнула 020, – мне нравится.

– Мне тоже, – улыбнулся в ответ экскурсовод.

– Что мы сейчас едем смотреть? – с нетерпением спросила

1147.

– Через пару километров начнется стандартная экскурсионная программа, потерпите.

– Примус, а вы давно здесь работаете? – спросил 033 с переднего сидения.

– Прилично, а что, вас волнует моя квалификация? – улыбнулся экскурсовод.

– Да, – сухо ответил 033, – люблю профессионалов.

– Можете на меня положиться!

– Посмотрим...

Водитель уверенно объезжал булыжники, резко появлявшиеся на пути. Ещё бы, он, наверное, уже в сотый раз поднимает пыль с этих грубых, не обкатанных дорог. Часы пропищали ровно девять утра – выехали раньше, он чуть сбросил газ, полугрузовик заметно дёрнулся и лениво притормозил, громко урча двигателем на низких оборотах.

– А сколько продлится экскурсия? – 020 уже немного устала от навязчивости 1624.

– Сколько пожелаете, – прохрипел водитель.

– Это как?! – удивилась 1147.

– Он шутит, – поддельно рассмеялся Примус, – шутит! Мы осмотрим здешние очаги жизни, наведаемся в гости к местным аборигенам, затем прокатимся у памятников, что строили предки современных жителей. Также вы сможете полюбоваться отменными пейзажами Сухого Моря!

– Сухого Моря?

– Да, океан заметно отступил от этих берегов, мы можем продвинуться почти на тридцать пять километров вглубь когда-то моря, самые везучие находят скелетики рыб!

– Когда же уже начнётся экскурсия? – недовольно пробубнила 1147.

– Видимо, чего-то ждём, – прохрипел 033, – может, вы уже соизволите начать?

– Дорогие друзья, уважаемые посетители экскурсии, зачем торопить события? Всё всегда начинается вовремя, поверьте! Каждая ваша минуточка будет насыщена интересными событиями, которые вы *никогда* не забудете!

– Когда же эта насыщенность начнётся?!

– Господа, мы должны были отправиться в путь в девять часов, к десяти прибыть на первый пункт! Там и начнётся наше путешествие, – Примус попытался натянуть улыбку, но вышел какой-то странный оскал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.